

Оказавшись перед палаткой, в которой предстояло провести эту ночь — палатку, к слову, нужно было собирать самостоятельно, — Ли Шаоянь помрачнел. Условия были донельзя убогими.

На Пхукете сейчас стоял жаркий сезон. Дождей и сильных ветров не предвиделось, но для привыкшего к роскоши президента Ли даже такая погода была испытанием. Он старался сдерживаться, но всё же бросил косой взгляд на режиссёра, который в ответ лишь умоляюще сложил руки.

Ещё на подготовительном этапе перед началом съёмок режиссёрская группа подробно разъяснила Ли Шаояню план и возможные трудности. Ради реалистичности шоу некоторые моменты невозможно было полностью контролировать, и тогда Ли Шаоянь охотно выразил своё понимание. Сейчас, отказываясь от своих слов, он рисковал подпортить репутацию, поэтому, несмотря на недовольство, Ли Шаоянь не стал устраивать скандал.

Куратор Тан Юя незаметно подал знак, призывая того успокоить Ли Шаояня. В предыдущих сценах Тан Юй уже успешно создал образ идеального парня, и съёмочная группа наверняка сделает на этом акцент в монтаже, так что ему оставалось лишь продолжать играть свою роль.

Тан Юй принялся молча собирать палатку.

Ли Шаоянь наблюдал за его суетой и, решив, что негоже просто стоять в стороне, подошёл помочь. Тан Юй, согнувшись, закрепил угол тента и, обернувшись, с улыбкой произнёс:

— Всё в порядке, я сам. Отдохни.

Эта улыбка была такой тёплой и заботливой, что оператор едва не впился в него камерой, желая снять крупный план.

Пока Тан Юй возился с палаткой, он продолжал успокаивать Ли Шаояня:

— На самом деле здесь даже неплохо. Вечером мы сможем вместе любоваться звёздами. Разве это не романтично?

Ли Шаоянь промолчал.

Просто стоять и смотреть было неловко — потом в эфире зрители завалят критикой. Ли Шаоянь всё же помог Тан Юю, и вдвоём они быстро справились с установкой. Когда внутри расстелили коврики, всё выглядело даже вполне прилично.

Вечерняя часть съёмок проходила в трёх группах.

Фэн Яо и Цинь Ичжи наслаждались ужином при свечах в президентском люксе. Под аккомпанемент скрипача они танцевали в саду, залитом лунным светом и звёздами, и

выглядели невероятно мило.

В это же время Цзи Юнь и Го Эр сами готовили ужин в гостевом доме. Блюда получились настолько аппетитными, что съёмка напоминала кулинарное шоу.

Положение Тан Юя и Ли Шаояня выглядело куда плачевнее. Ужин в стоимость ночёвки в палатке не входил — это было сделано ради комедийного эффекта. Два высоких статных красавца, сидящие в ряд перед палаткой с коробками еды, которые им сжалились выдать сотрудники съёмочной группы, выглядели донельзя удручающе. Если бы на монтаже наложили грустную музыку, картина была бы завершённой.

Тан Юй обладал первоклассным чувством сцены. Пока Ли Шаоянь отвлёкся, он неведь откуда раздобыл дров и развёл костёр. Как только стемнело, на пляже, арендованном для съёмок, кроме света софитов, остался лишь этот тёплый, живой огонь.

Ли Шаоянь с удивлением наблюдал, как Тан Юй, словно фокусник, достал акустическую гитару. Тот перебрал струны, настраиваясь, и запел. Его взгляд, устремлённый на Ли Шаояня, был полон такой глубокой, почти настоящей нежности.

Тан Юй действительно когда-то выпускал сольные треки, но Ли Шаоянь их не слышал. Тан Юй давно не пел на публике, и режиссёр позволил ему включить этот номер в программу, надеясь на успех.

У Тан Юя был особенный голос — низкий, бархатный, с едва уловимыми юношескими нотками. Он пел с полной самоотдачей, так же искренне, как и играл в кино, будто исполнял песню для самого дорогого человека. Это было нежно и трогательно:

— Позволь мне стать твоим героем. Если я приглашу тебя на танец, согласишься ли ты? Или убежишь, не оглядываясь? Если увидишь мои слёзы, заплачешь ли ты сам? И сможешь ли ты спасти мою душу сегодня ночью...

Он пел классическую балладу Неро. Когда прозвучали слова о спасении души, Ли Шаоянь заслушался.

Вся усталость дня и неприятный осадок словно растворились под звуки гитары и голос Тан Юя. Ночёвка на пляже перестала казаться наказанием и превратилась в нечто по-настоящему романтическое.

На самом деле, сосредоточенный Ли Шаоянь выглядел очень притягательно. Тан Юй, продолжая петь, не мог не любоваться им.

В этот миг Пхукет был усыпан яркими звёздами, а ночной воздух казался пьянящим, делая человека рядом ещё более желанным. Камеры преданно фиксировали каждый момент.

Съёмочная группа проявила милосердие и больше не стала давать никаких заданий. Внутри палатки не было ни микрофонов, ни камер, лишь неподалёку дежурила охрана. Тан Юй и Ли Шаоянь забрались внутрь, и на этом съёмки дня завершились.

Атмосфера была настолько располагающей, что Ли Шаояню хотелось поцеловать его прямо сейчас, но камеры работали весь день, вокруг были люди, и он не решился.

Застегнув молнию палатки, они легли друг напротив друга в тусклом свете ночника. В глазах Тан Юя, казалось, отражались звёзды.

— Я хочу тебя поцеловать, — прошептал Ли Шаоянь.

И он действительно это сделал.

Это был редкий для них поцелуй, лишённый всякой похоти. Кончик носа Ли Шаояня коснулся щеки Тан Юя, тёплые губы встретились с губами партнёра. Тан Юй не отстранился, напротив, он слегка приоткрыл рот, принимая этот робкий жест. Их дыхание смешалось, и, поддавшись взаимному порыву, поцелуй стал глубже.

Где-то в глубине души что-то неуловимо изменилось.

Тан Юй хотел было что-то сказать, но обнаружил, что Ли Шаоянь уже уснул.

Тан Юй невольно усмехнулся. Глядя на спокойное лицо спящего, он через мгновение не сдержался и снова легко коснулся губами его губ, после чего, обняв его, закрыл глаза и сам погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/20418/2039642>